18+

Дмитрий Крещеный

Дмитрий Крещеный

Киберсказки

«Издательские решения»

Крещеный Д.

Киберсказки / Д. Крещеный — «Издательские решения»,

«Киберсказки» — сплав древнерусского высокого слога и языка алгоритмов. Здесь морозный Сквознячок усыпляет путников, а шаман будит Метель; здесь в подвалах Лавры автономный ИИ переплетает 1919 и 2026 годы; здесь «Граф Цеппелин» летит сквозь шторм с грузом, способным испепелить Атлантику; здесь Леонардо да Винчи наблюдает за подмастерьем с нечеловеческой реакцией. Каждая история — о хрупкости границы между человеком и машиной, памятью и забвением, льдом и железом. Это сказки для тех, кто помнит.

© Крещеный Д.
© Издательские решения

Содержание

Рассказ 1. Сквознячок 6
Глава 1. Сквознячок 6
Глава 4. Железо 12
Глава 5. Метель 14
Глава 6. Инженер железа 15
Глава 7. Ледяной столп 17
Глава 8. Нападение 18
Глава 9. Команда 19
Глава 10. Вылазка 21
Рассказ 2. Хроника сорокового узла. Механический апокриф 23
Глава 1. Отречение от плоти 23
Глава 2. Вертикаль 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Киберсказки

Дмитрий Крещеный

© Дмитрий Крещеный, 2026

ISBN 978-5-0071-4963-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ 1. Сквознячок

Глава 1. Сквознячок

Каменистый распадок на самом краю Нижнего Клыка — место душное, хоть и промерзшее на три сажени вглубь. Земля здесь давно сдохла, оставив после себя лишь серые сланцевые ребра да колючий сухой мох, который крошится под сапогами, как пережженная кость. В такие щели живые люди по своей воле не ходят. В них только прячутся.

Ниже по хребту лежал Ржавый перевал — там, где гнилой туман не расходился даже в ясные дни. А выше, за тремя днями подъёма, стоял Стеклянный Голец, пик, на котором не таял лёд.

Я знаю это лучше других, потому что я и есть этот распадок. Точнее — то, что движется между его стен.

Я — маленький ветер. Сквознячок. Во мне нет ярости старших ледяных бурь, что с корнем выдирают вековые лиственницы на хребте и швыряют ледяную крупу в лицо пукам. У меня нет голоса, чтобы выть в печных трубах заброшенных зимовий, и нет силы, чтобы сбить с ног даже истощавшего дикого оленя. Мое дуновение слабое. Мое дело — шелест. Едва слышный шорох пожухлой травы, легкое шевеление песчинок на срезе скалы, едва заметное колыхание полы шинели.

Но у меня есть своя власть. Я морозный. Я очень, очень холодный.

Когда в распадок спускаются люди, я всегда замираю. Ложусь на камни, прижимаюсь к обледенелым серым валунам и жду. Я присматриваюсь. Если те, кто пришел, плохие — если от них пахнет гарью сожженных чужих стоянок, если на их ножах запеклась чужая обида, а в карманах звенят краденые обереги — я не дую. Вообще не дую. Оставляю их их собственной злости и тяжести. Пусть греются своим проклятым огнем, пусть грызутся за кости, пусть замерзают от сырости и страха под открытым небом, пока большая метель с хребта не отыщет их и не переломает им ребра. Плохим я не помогаю. Они должны страдать долго, до хрипа, до черных пальцев.

Но сегодня все было иначе. Сегодня в распадке прятался другой человек.

Он пришел в сумерках, когда небо над Клыком стало цвета старого свинца. Шел тяжело, волоча правую ногу, оставляя на редком снегу глубокую, неровную борозду. Его меховой полушубок был порван на плече, сквозь дыру виднелась грубая мешковина рубахи, пропитавшаяся чем-то темным и липким. Он не был злым. Я не почувствовал от него той острой, кислой вони, которая исходит от грабителей и убийц. От него пахло только смертельной усталостью, солью и безнадежностью зверя, за которым стая шла трое суток по насту. Но под солью и гарью было ещё что-то — слабый, почти выветрившийся запах озерной воды и рыбьей чешуи. Он шёл с юга, но родом был не оттуда.

Человек забился в самую глубь распадка, под нависающий каменный козырек, где сухо и почти нет снега. Сел, привалившись спиной к гранитной стене. Достал огниво, пальцы его дрожали так сильно, что искра никак не хотела падать на трут. После третьей попытки он бросил железо. Понял. Руки его опустились на колени. У него не было сил даже на то, чтобы собрать горсть сухой травы для растопки.

Все вокруг в этих краях знают: если ты ранен, если солнце село, а ты остался в каменном распадке без огня — ты уже не выйдешь отсюда. Горные птицы знают это и кружат над щелью, ожидая своей доли. Старый лишайник знает это и заранее готовится принять новое тепло, чтобы тут же превратить его в холод. Каждый камень здесь помнит сотни таких, как он.

А этот человек — не знал. Он был чужаком, пришлым с южных долин. Он думал, что просто переждёт ночь, укроется от большого ветра, отдохнет, а на рассвете, когда суставы перестанут ныть, поднимется и пойдет дальше, к перевалу. Он искренне верил, что у него есть это завтра.

Я поднялся со дна расселины. Тихо, мягко.

Мое первое дуновение было совсем крошечным — я просто коснулся его мокрого от пота лба. Чужак вздрогнул, попытался плотнее запахнуть ворот порванного полушубка, но руки его уже плохо слушались. Я скользнул под мех, нашел теплую, беззащитную шею.

Шелест. Только шелест. В моем присутствии нет боли. Боль — это дело огня или глубоких обморожений на колючем ходу. Я же действую иначе. Мой холод — ласковый. Он похож на тяжелое, расшитое серебром одеяло, которое мать накидывает на спящего ребенка в морозную ночь.

Я шелестел в его волосах, нашептывал сказки далеких ледников, о которых он никогда не слышал. Человек перестал дрожать. Это хороший знак. Это значит, что его тело сдалось, открыло двери и пустило меня внутрь, к самому сердцу. Его дыхание, до этого частое и свистящее, стало выравниваться. С каждым моим легким, морозным вздохом его выдох становился все короче.

Я тихо усыпляю. До самой смерти.

В южных землях люди боятся конца, они кричат, зовут своих придуманных богов, цепляются ногтями за гнилую солому. На севере все чище. Здесь я даю легкую кончину. Самый лучший, самый честный дар, какой только может получить ослабевший путник в этих мертвых горах. Без страха. Без мучений. Без осознания того, что ты проиграл.

Чужак прикрыл глаза. Его лицо, до этого сведенное судорогой от боли в раненой ноге, разгладилось. Ему, должно быть, снился его теплый юг — цветущие яблони, ленивая жирная река, шумная корчма с горячим элем и запахом печеного хлеба. Я чувствовал эти образы, они остывали в его голове, как гаснущие угольки. Он улыбнулся. Едва заметно, одними уголками потрескавшихся губ.

Я сделал еще один круг вокруг его головы. Поднял с земли горсть мелкой ледяной пыли и аккуратно уложил ее на его ресницы, превращая их в белые пушистые стрелы. Его пальцы на коленях окончательно затихли, превратившись в твердые серые сучья. Одеяло сомкнулось.

Он больше не замерзнет. Потому что нельзя замерзнуть тому, кто сам стал частью зимы.

Теперь он сидит под козырьком — спокойный, белый, вечный. Большой ветер с вершины завтра принесет много снега и укроет его до самой весны, спрячет от голодных птиц и росомах. А когда солнце вернется и растопит лед, камни заберут его кости в свою глубину, сделав распадок еще чуть выше, еще чуть теснее.

Я снова спустился на самое дно щели. Лег между серых камней, свернулся клубком. На сегодня моя работа закончена. Настоящих, чистых людей в этих краях осталось мало, и каждый из них заслуживает того, чтобы уйти отсюда легко, под мой едва слышный, морозный шелест. Нужно беречь силы. Скоро зима станет еще темнее, и кто-нибудь обязательно снова придет в мой распадок в поисках защиты. А я буду ждать.

Глава 2. Лишайник

Камни не умеют спешить, а я — кожа этих камней.

Я, Старый Лишайник, держусь за серый гранит Нижнего Клыка крепче, чем человек держится за свою короткую жизнь. Мой век меряется не зимами, а тем, как медленно крошится скала под моими сухими, цепкими лапами.

Люди называют меня мертвым. Но они просто слишком быстро бегают, слишком громко дышат и слишком сильно пахнут соленой кровью, чтобы заметить мое движение. Для меня их жизнь — лишь секундная искра в темноте. Вспыхнула, нагрела воздух вокруг себя и тут же погасла, оставив после себя золу.

Сквозняк сегодня хорошо поработал. Молод еще, суетится, кружит, ледяные стрелы на ресницы чужака укладывает. Картинки ему южные показывает… Ветер любит играть с уходящим паром. Мне же пар не нужен. Мне нужно то, что остается.

Чужак теперь затих. Его спина вросла в гранитную стену, которую я укрывал последние три сотни лет. Я чувствую, как из его затылка уходит последняя, самая глубокая жилка тепла. Она упирается в камень, пытается согреть серую толщу, но камень всегда побеждает.

Пора.

Мои сухие, серые нити, похожие на пепел, медленно потянулись к воротнику его полушубка. Я не кусаю, как мороз. Я не душу, как тяжелый снег. Я просто заполняю пустоту.

Мои споры прорастают сквозь грубый мех, цепляются за шерстяные нити рубахи, нащупывают неподвижную кожу на шее.

Я забираю его боль. Забираю память о раненой ноге, о погоне, о страхе. Очищаю кости от лишней суеты. Сквозь мои серые чешуйки южанин становится частью Клыка. Через пару веков его ребра станут такими же прочными и белыми, как кварцевые жилы в глубине горы. Его череп станет надежным домом для полярных ос, а из пустых глазниц по весне будет вытекать чистая, талая вода.

Все, что падает в распадок, в конце концов становится моим. Большая буря сотрет его имя, Сквозняк унесет его последний вздох, а я — я сохраню его форму. Люди приходят и уходят, кричат и строят свои недолговечные дома из хлипкого дерева.

А мы с камнем остаемся. Тихо прорастаем в вечность.

шамана

Он пришел, когда Лишайник уже наполовину скрыл сукно на груди мертвеца. Этот человек не бежал и не прятался. Он ступал по дну распадка намеренно тихо, укорачивая шаги, чтобы не будить эхо. Он шёл по следу — не по снегу, а по холоду. Чужак нёс с собой тепло, которого здесь быть не должно, и это тепло гасло. Шаман чувствовал, как оно гаснет, ещё с перевала. На нем был кафтан из шкуры старого нерпичьего самца, подбитый изнутри сухим болотным пухом, а на шее вместо оберегов болталась плоская костяная пластина — без вырезанных лиц, просто гладкая, затертая пальцами кость.

Шаман. Из тех, кого в нижних стойбищах называют *Слушающими Камень*.

Сквозняк крутанулся у его ног, по привычке выискивая запах гари или чужой обиды. Но от шамана пахло только старым жиром, горькой хвоей и тем особым, неподвижным холодом, который бывает в глубоких пещерах, куда никогда не заглядывало солнце. Ветер разочарованно мазнул по его лицу и улегся на валуны. Этот был не плохим и не хорошим. Он был — свой.

Старик подошел к замерзшему чужаку, присел на корточки. Его колени хрустнули так же, как хрустит сухой наст под копытом оленя.

— Поторопился ты, малый, — негромко сказал шаман, глядя в побелевшие глаза мертвеца. — И ты, Сквозной, поторопился. Парень-то с озёр был, на юге работал. У него на родине сейчас бабы рожь в амбары ссыпают. А ты его лаской своей прибрал.

Ветер обиженно зашелестел сухой травой под козырьком скалы, но спорить не стал.

Шаман протянул руку — сухую, с черной землей под ногтями — и положил ладонь прямо на плечо покойника, туда, где серые чешуйки Лишайника уже намертво сшили мех с гранитным выступом. Лишайник недовольно сжался. Его пепельные нити, соприкоснувшись с живым, но слишком спокойным теплом шаманской руки, замедлили свой рост. Камень не любил, когда прерывали его работу.

— Отдай, Старый, — попросил шаман. Он не приказывал, не бил в бубен и не выкрикивал заклинаний. В этих горах крик — это признак слабости. — Мне его кости не нужны. И мясо его не нужно. Мне нужно то, что у него в кармане лежит. Он из Нижнего Клыка железную весть нес. Озерные люди должны знать, что сюда идти нельзя.

Лишайник замер. Вековые лапы крепче сжали порванное сукно. Для него вещь чужака уже стала частью распадка, такой же, как сланцевая крошка или застрявший в щели наконечник древней стрелы. Все, что коснулось камня, принадлежит камню.

Шаман вздохнул. Достал из-за пояса маленький костяной нож — тупой, без режущей кромки, пригодный только для того, чтобы отделять кору от березы. Он не стал резать мох. Вместо этого он прижал обух ножа к своей ладони, закрыл глаза и запел.

Это не была песня со словами. Это был низкий, утробный гул, идущий из самого живота — так гудит земля перед тем, как начнется горный обвал, или так трескается толстый озерный

лед в первые лютые морозы. Шаман отдавал камню свою тишину. Свой собственный покой, накопленный за долгие зимы одиночества в тундре.

Лишайник почувствовал этот гул. Для него это был понятный язык — тяжелый, медленный, родной. Словно скала, на которой он рос, вдруг сама заговорила с ним.

Пепельные нити на груди чужака начали медленно, неохотно расправляться. Они отпускали ткань, втягиваясь обратно в поры серого гранита. Плотная корка мха раздвинулась, обнажив глубокий внутренний карман полушубка. Из него виднелся край свернутой в трубку бересты, скрепленной полоской ржавого железа.

Шаман аккуратно, двумя пальцами, вытянул свиток. Лишайник тут же, словно испугавшись, что у него заберут что-то еще, с сухим шелестом сомкнул свои ряды, укрывая тело южанина плотным серым саваном.

— Спасибо, Старый, — шаман спрятал бересту за пазуху и поднялся. Его старые суставы снова издали сухой щелчок. — Спите. Зима будет долгой.

Глава 3. Весть

Он повернулся и пошел прочь из распадка, унося с собой чужую тайну. Сквозняк полетел за ним вслед, легонько подталкивая в спину, словно выпровожая гостя, пока большая метель на хребте не проснулась и не перекрыла выход окончательно.

Шаман отошел от распадка на три сотни шагов, укрылся за выступом Черного Ослаища — там, где ветер не мог вырвать бересту у него из рук. Свиток был тяжелым, непривычно плотным. Южане не просто царапали знаки костяной иглой, они заливали их темной, пахучей гарью, которая не смывалась даже талой водой.

Он развернул полосу. Ржавый обод звякнул о камень, словно предупреждая.

На бересте не было слов. Озерные люди редко пользовались буквами — они рисовали чертежи, точные и бездушные, как грани колотого обсидиана. На свитке была изображена карта Нижнего Клыка, но изуродованная, исчерченная прямыми, ровными линиями, каких никогда не создает природа.

Он долго смотрел на трилистники, потом провёл пальцем по одной из стрел — и нахмурился. Стрела шла не к перевалу. Она уходила вниз, в толщу горы, туда, где на карте не было ни одной южной метки. Инженеры рисовали то, чего сами не понимали.

В самом сердце гор, там, где спали древние ледники, южане нарисовали три трилистника из тяжелого железа. От них во все стороны, словно корни гнилого дерева, расходились стрелы, вонзающиеся в горные жилы.

Это была весть о **Железном Море**.

Южные короли нашли способ плавить гранит. Они построили на той стороне хребта огромные паровые котлы — медные брюхатые башни, которые жрали каменный уголь тысячами пудов. Они собирались пробить перевал, загнать в глубь гор свои буровые машины и пустить по распадкам горячую, соленую воду из подземных источников, чтобы растопить вечную мерзлоту.

Для южан это была победа над зимой. Они хотели открыть путь для своих торговых обозов, раскопать древние рудные жилы и засеять освобожденную ото льда землю жирным ячменем.

Но для Севера это означало **смерть**.

Если ледники растают, Сквозняк потеряет свой морозный приют и превратится в гнилой, сырой туман, от которого заживо гниют легкие. Старый Лишайник погибнет первым: горячая вода и железная окалина сожрут его чешуйки за одно лето, лишив камни их вековой кожи. Без него горы начнут сыпаться, превращаясь в жидкую грязь, и погребут под собой все нижние стойбища.

Чужак, которого усыпил ветер, не был шпионом. Он был беглецом с тех самых южных строек. Он украл чертежи инженеров, чтобы предупредить вольных людей тундры: **железо уже идет, и оно несет с собой вечное лето**. Лето, которое выжжет этот край дотла.

Шаман медленно свернул бересту и спрятал ее глубоко под нерпичий кафтан, ближе к телу. Его лицо стало жестким, как обветренный сланец. Договариваться больше было не с кем. Нужно было идти к истокам Ветров и будить Метель — ту, которую не беспокоили уже три сотни зим.

Старики в стойбищах рассказывали о Ловчем — человеке, который умеет говорить с камнем и носит в ладони Чёрное Долото. Сказка для детей и пьяных охотников. Но шаман вспомнил её сейчас, и сказка вдруг показалась ему слишком точной.

Глава 4. Железо

Прошло три дня. Шаман уже поднимался к Гольцу, когда в распадок вошли люди с железом.

Железо пришло в распадок на исходе четвертой стражи. Оно не умело ходить тихо. Оно скрипело несмазанными осями, хрустело сланцевой крошкой и пахло удушливой, жирной копотью, от которой на обледенелых камнях оставался серый, липкий налет.

Их было пятеро. Разведчики с той стороны хребта. На них были неуклюжие куртки из дубленой свиной кожи, подбитые тяжелым южным войлоком, а на головах — окованные медью глухие шапки. Они шли цепочкой, грузно вбивая подкованные гвоздями подошвы в хрупкий, намерзший за ночь наст.

Впереди шел вожак. В правой руке, обтянутой толстой рукавицей, он нес тяжелый фонарь. Это было не живое пламя оленьего жира и не чистый лучинный свет. Внутри стеклянной колбы горел, шипя и плюясь искрами, пропитанный дегтем угольный фитиль. Фонарь выплескивал вперед мертвенный, неестественно-желтый круг света, который разрезал сумерки Нижнего Клыка, словно тупой нож — сырое мясо.

Я прижался к валунам на самом дне щели. Сжался в узкую, ледяную струйку.

От этих людей пахло гарью и уверенностью. Они не боялись гор, потому что за их спинами стояли брюхатые печи Железного Моря. Они думали, что этот камень — просто камень, который можно раздробить киркой, а этот холод — просто остывший воздух, который легко разогнать теплой печной заслонкой. Они не знали, что здесь у каждого шага есть свидетель.

— Глухо тут, — хриплым, прокуренным голосом сказал один из тыловых, останавливаясь под каменным навесом. — Камень один да мох сухой. Тут и дышать-то нечем, воздух как через сито цедишь.

— Заткнись, — бросил вожак, не оборачиваясь. — Карту держи. Нам нужно отметить устье распадка. Инженеры сказали, здесь пойдет третья паровая ветка. Воду из нижних ключей погоним вверх, камни погреем — глядишь, и задышится легче.

Он поднял фонарь выше. Желтый луч мазнул по гранитной стене, на которой плотной, серой чешуей сидел Старый Лишайник. Мох под этим мертвым светом мгновенно съежился, затрещал, словно его коснулись каленым клеймом. Камень не любил этот огонь. Камень помнил, как триста лет назад здесь было тихо.

Я скользнул вдоль их сапог. Медленно, едва слышно. Шелест. Только шелест.

Я не стал дуть им в лицо. Слишком много в них было чужого, принесенного из долин тепла. Они были плохими. Не потому, что убивали ради наживы, а потому, что несли с собой смерть для всего распадка. Они хотели уничтожить тишину.

Я нашел щель в корпусе железного фонаря. Маленький зазор между медным ободком и треснувшим от холода стеклом. Вожак южан думал, что его огонь защищен надежно. Но против первородного холода у его железа не было заслонки.

Я скользнул внутрь колбы — тонким, острым, как игла, морозным вздохом.

Дегтярный фитиль коротко захлебнулся. Желтое пламя сжалось, посинело, а затем с сухим щелчком погасло, оставив после себя лишь тонкую струйку вонючего, сизого дыма.

Но, прижавшись к камню, он вдруг почувствовал под ладонями не только холод гранита. Снизу, из глубины, шло слабое, ровное тепло. Не от южан. Из-под их сапог. Из самой толщи Клыка.

— Проклятье, — буркнул вожак, встряхивая потяжелевший фонарь. — Опять масло замерзло. Доставай огниво, Коль, чиркай быстрее, пока пальцы не окоченели.

Они остановились. В полной, навалившейся со всех сторон темноте распадка их тяжелое, частое дыхание казалось слишком громким. Они начали тереться плечами, чиркать железом о кремень, но искра не ложилась на пропитанный машинным маслом трут. Южное железо на севере остывало быстро. Оно становилось хрупким, липким и чужим.

Старый Лишайник на скале уже начал медленно, по миллиметру в час, расправлять свои пепельные нити, готовясь двинуться к их подкованным сапогам. А я поднялся к самому верху расселины — туда, где над Нижним Клыком уже собирались тяжелые, свинцовые тучи. Большая буря на хребте сегодня проснется рано. И эти пятеро из своего распадка уже не выйдут.

Так и вышло. К утру на дне щели осталось пять бугров под снегом — ровных, белых, будто их и не было. Сквознячок не стал смотреть, как они остывают. Он уже летел выше, к Гольцу.

Глава 5. Метель

Путь на Стеклянный Голец занимал три дня, но для шамана это время слилось в один бесконечный, хриплый выдох. Чем выше он поднимался, тем тоньше становился воздух и тем злее — камни. Здесь уже не было Сквозняка с его ласковым шелестом, не было и Старого Лишайника. На такой высоте жил только чистый, первородный гранит, гладкий, как зеркало, и покрытый ледяной коркой, которая никогда не таяла.

Шаман взошел на самый пик, когда солнце коснулось горизонта, окрасив облака в цвет запекшейся крови. Перед ним лежала бездна перевала, а далеко на юге, за пеленой тумана, небо светилось грязно-рыжим, тревожным заревом. Это горели угольные печи Железного Моря. Оттуда уже тянуло чужим, кислым теплом и гарью, от которой сводило челюсти.

Старик достал из-за пазухи берестяной свиток с железным ободом и положил его на вершину ритуального камня — плоского жертвенника, на котором триста лет назад его предки поклялись никогда не тревожить Мать Метелей.

— Уговор нарушен, — тихо сказал шаман. Его голос тут же унесла высота. — Они идут с огнем, который не гаснет, и с железом, которое плавит твои ребра. Если я не разбужу тебя, они сделают это сами, но тогда у нас уже не будет имени.

Его дед когда-то рассказывал, чем платят Матери Метелей за пробуждение. Не золотом и не оленями. Кровью того, кто хранил тишину. Шаман тогда не поверил. Теперь — верил.

Он достал костяной нож — тот самый, которым забирал свиток у Лишайника. Но в этот раз он не запел утробную песню. Он прижал острие к собственной ладони и сильно, до кости, полоснул вдоль. Черная, густая кровь Слушающего Камень толчками хлынула на бересту, заливая чертежи южных инженеров. Она мгновенно задымилась на морозе, отдавая последнее, собранное за долгую жизнь тепло.

Это была плата. Мать Метелей не принимала золото или оленей. Ей нужна была кровь того, кто хранил тишину края.

Гора под его ногами вздрогнула. Не сверху, не с неба, а из самой глубины Стеклянного Гольца донесся тяжелый, утробный вздох, от которого ледяная корка на скалах покрылась сетью мелких трещин. Воздух вокруг шамана мгновенно застыл, превратившись в колючее месиво из ледяных игл.

Глава 6. Инженер железа

В ту же ночь, когда Метель сделала первый выдох над Гольцом, ниже по хребту, на Ржавом перевале, гнилой туман висел такой плотный…, что молодой Кузьма видел собственные пальцы, только когда подносил ладонь к самому носу. Воздух здесь не колол щёки чистой ледяной иглой, как внизу у озёр. Он лип к лицу, пах сырой известью и прогорклым машинным салом.

Кузьма сидел за валуном, поджав под себя ноги в лосиных унтах. Его кафтан из нерпичьей шкуры давно потяжелел от влаги, но внутри, у самого сердца, было сухо — грела плоская костяная пластина предков, затёртая до желтизны. Пластина молчала. Значит, камень под перевалом ещё держался.

Снизу, со стороны южной насыпи, донёсся сухой, металлический треск, а следом — хриплый человеческий кашель. Кузьма не шевельнулся. На Севере тот, кто шевелится раньше времени, отдаёт своё тепло скалам. Он лишь скользнул взглядом сквозь серую муть.

Из тумана проступил силуэт. Южанин. Один из тех инженеров, что дежурили на паровой насосной станции. На нём была неуклюжая куртка из свиной кожи, на груди тускло поблёскивали латунные бляхи, а на голове сидела глухая медная каска. В руках он держал тяжёлый гаечный ключ — длинный, чернёный кованый брусок. Южанин подошёл к торчащей из гранита железной свае, замахнулся и со злостью ударил по заклинившему болту.

Дзинь.

Звук получился коротким, глухим, словно ударили по гнилой доске. Южное железо на перевале остывало и дурело быстрее людей. Болт даже не сдвинулся, зато по резьбе поползла тонкая рыжая шелуха ржавчины.

— Проклятая дыра, — прохрипел южанин, опуская руки. Он стащил с лица толстую рукавицу и попытался подуть на побелевшие, скрюченные пальцы. Сизый пар изо рта тут же смешался с дегтярной гарью тумана.

— Не поможет, — тихо сказал Кузьма.

Его голос прозвучал без эха, словно туман сразу сожрал звук. Южанин вздрогнул, резко обернулся, вскидывая тяжёлый ключ как оружие. В его круглых, воспалённых от копоти глазах под медной каской застыл быстрый, суетливый страх долинянина.

— Кто здесь? Выходи! — крикнул инженер. Его крик вышел тонким, сорванным на хрип. — У меня за спиной рота штурмовиков! Насосы работают, слышишь? Мы всё равно прорвём этот перевал!

Кузьма медленно поднялся из-за валуна. Он не держал нож в руке. Зачем нож, если горы уже всё решили за него.

— Нет у тебя за спиной никого, механик, — спокойно ответил озерный дозорный, останавливаясь в трёх шагах. — Твоя рота внизу, у третьей ветки, котлы греет. А здесь ты один. И поршень твой буровой заклинило намертво ещё на исходе третьей стражи.

Южанин перехватил ключ поудобнее, но рука его дрожала так сильно, что железо мелко застучало по латунным бляхам куртки.

— Мы заменим поршень. Инженеры привезут новые узлы с Юга. Мы пустим воду. Земля будет тёплой, здесь ячмень расти будет, дурак ты дикий!

Кузьма посмотрел на его побелевшие пальцы, потом на рыжую слизь, сочившуюся из-под железной сваи. Старый Лишайник под этой слизью уже сгнил, оставив голый, беззащитный гранит.

— Ячмень в амбарах растёт, малый, — тихо проговорил Кузьма. — А здесь камень. Камень тепло не любит. Он от вашего пара дышать перестаёт, крошится. Если ледник сверху

потечёт — этот перевал сойдёт вниз жидкой кашей за один день. И тебя, и твои бочки медные в озеро смоет.

— Наш расчёт точен! — огрызнулся механик, но в его голосе уже не было прежней ярости. Он тяжело дышал, ловя ртом сырой, гнилой воздух. — Мы плавим гранит… Король приказал…

— Твой король далеко, а холод и лёд близко, — Кузьма легонько повёл плечом, ловя лицом едва заметное, спиральное движение воздуха.

Туман вокруг них вдруг дрогнул и стал оседать на медную каску южанина мелкими, мертвенно-серыми каплями.

— Слушай.

Где-то далеко вверху, на самом пике Стеклянного Гольца, утробно и протяжно ухнуло. Это не был гром. Это треснул вековой, чистый лёд, который триста лет никто не тревожил. То был вздох проснувшейся горы. Шаман Илья на вершине уже сделал то, зачем пришёл.

Кузьма повернулся и сделал шаг назад, растворяясь в серой мути Ржавого перевала.

— Эй! Погоди! Куда ты? — крикнул вослед инженер, делая шаг вперёд, но его подкованный гвоздями сапог скользнул по рыжей, липкой грязи. Южанин упал на колени, выронив гаечный ключ в жижу. Ключ тут же начал покрываться бурыми пятнами ржавчины. — Погоди… тут темно… фонарь погас…

Кузьма не ответил. Он шёл вниз, к стойбищам, уводя людей. За ним, спотыкаясь, брели ещё трое — двое его дозорных и молодой парень из нижнего стойбища, которого он вытащил из-под обломков насыпи. Они шли молча, вбивая шаг в наст, и не оглядывались. На перевале оставался только механик.

На Ржавом перевале больше делать было нечего. Железо уже проиграло эту ночь, а настоящая буря ещё даже не сделала первого выдоха.

Механик остался на перевале. К утру его ключ нашёл бы любой, кто прошёл бы мимо, — но мимо никто не прошёл.

Глава 7. Ледяной столп

Из расселины на пике Гольца поднялся белый столб — не снег, а плотная, сизая известь абсолютного холода. Она не имела человеческого лица, но в этом вихре угадывались очертания огромных, раскинутых крыльев, способных накрыть половину мира.

Метель проснулась.

Она не стала слушать шамана. Стихия не разговаривает с людьми. Первым же ударом белого крыла она в порошок стёрла берестяной свиток вместе с ржавым железным ободком. Затем вихрь обрушился на старика.

Шаман не побежал. Он стоял, широко раскинув руки, чувствуя, как его нерпичий кафтан мгновенно каменеет, а кровь в жилах превращается в острые кристаллы льда. Мороз ударил в грудь, вышибая последний воздух. Его глаза подёрнулись белой мутной плёнкой, но перед тем, как окончательно ослепнуть, он увидел, как огромная, тяжёлая стена снега и бури покатилась с горы вниз — туда, где на Ржавом перевале ползал на коленях замерзающий механик, туда, где дымили южные печи, и туда, где в долинах спали мирные стойбища его собственного народа.

Это была страшная цена. Метель не станет разбирать, кто прав, а кто виноват. Она просто вернёт Северу его законный, мёртвый покой. Она сожрёт паровые машины, заморозит медные котлы, но вместе с ними сотрёт и людскую память.

Через минуту на вершине Стеклянного Гольца осталась лишь одинокая ледяная статуя. Старик застыл с поднятыми руками, навечно превратившись в стража перевала. Его лицо, покрытое толстой коркой прозрачного льда, улыбалось той же спокойной, пустой улыбкой, что и у чужака в распадке.

И в этой улыбке было что-то, чего не было у чужака. Ветер, обходящий статую, вдруг менял свой ход — медленнее, осторожнее, будто узнавал в ней родню. Старшие Ветры не трогали Илью. Они принимали его.

Великий Уговор был мёртв. Началась долгая, бесконечная война льда и железа.

Глава 8. Нападение

На этой высоте не было ни ласки, ни шелеста. Некому было укладывать пушистые стрелы на ресницы замерзающих.

Старший Ветер хребта вышел из ледяного цирка плотной, свинцовой массой. У него не было человеческого лица, но его колоссальный объём дышал предвечным, трубным гулом, и этот гул на скальных срезах переходил в яростный, глухой вой. Он шёл не шелестом — он катил перед собой стену ледяной крупы, жёсткой и острой, как колотый обсидиан.

Внизу, у самого паза Ржавого перевала, каменела передовая застава южан. Они успели вбить в гранит три медные сваи и разжечь брюхатый котёл, обложенный обломками известняка. Из латунной трубы, захлёбываясь, вырывался густой, влажный пар. Южане пытались согреть мёртвую толщу хребта, но от их тепла воздух только густел кислым запахом дегтярного масла.

Инженер в окованной медью каске стоял у заслонки манометра, тщетно пытаясь удержать дрожащую стрелку. Его пальцы в кожаных рукавицах закоченели, клапаны ходили с сухим, натужным скрежетом. Южанин верил в расчёты своих мастеров, верил, что медь выдержит холод этих скал.

Ветер ударил сверху, обрушившись в кулуар всей своей тяжестью.

Это не было предупреждением. Удар сорвал с настила тяжёлые циновки из свиной кожи, швырнул их в темноту и в одну секунду прижал инженера лицом к обледенелой плите пола. Медная каска с металлическим звоном покатилась по сланцевой крошке. Воздух выбило из лёгких, пальцы свело судорогой.

— Перекрывай… клапан! — сорванным хрипом выплюнул вожак заставы, хватаясь за гладкий выступ латунного кожуха.

Но клапан больше не слушался. Ледяная крупа забила вентиляционные пазы за долю вдоха. Влага внутри паровой трубы обратилась в расширяющийся кристаллический клин. Раздался сухой, оглушительный треск — медное брюхо котла лопнуло по шву, словно перезревшая прибрежная тыква. Вместо горячего пара наружу выплеснулся лишь шипящий, сизый холод, который тут же застыл на железных сваях грязными серыми наплывами.

Старший Ветер сделал второй круг по кулуару, вычищая периметр. Южное железо сдавалось без боя — оно дурело, становилось хрупким, липким и чужим. Огонь печей захлебнулся в ледяной извести. Семеро ловчих заставы забились под каменный козырёк, сгрудившись в кучу, тщетно пытаясь удержать остатки живого тепла. Но морозное одеяло хребта уже сомкнулось над ними.

А далеко вверху, над Стеклянным Гольцем, свинцовые тучи уже наливались чернильной чернотой, знаменуя скорый и каскадный выход самой Матери Метелей.

Глава 9. Команда

Шелест пришёл на дно распадка ближе к полуночи, когда Метель на хребтах ненадолго затаила дыхание. Сквознячок скользнул серой струйкой по пепельной корке, коснулся сухих чешуек и замер, свившись в ледяной клубок. Камень под ними был глухим, массивным и бесконечно холодным.

— Старый, ты спишь? — тихо прошелестел Сквознячок, шевельнув сухую сланцевую крошку у основания валуна. — Я сегодня летал к дальнему отрогу Клыка. Далеко, у самого горизонта. Я видел, как люди с юга бросали свои медные бочки в сугробах. Бежали грузно, вбивая подковы в наст, падали в белую известь. Мы отбились, Старый. Метель слизнула их заставы, как грязь с подошвы сапога. Их железо лопнуло.

Старый Лишайник не ответил сразу. Время для его медленного, векового разума текло иначе — пока Сквознячок делал три круга вокруг скалы, Лишайник лишь успевал зафиксировать изменение температуры на долю градуса.

— Люди… — пепельные нити мха едва заметно затрещали, изливая сухой, утробный звук, похожий на треск ломающейся сушины. — Люди приходят и уходят. Секундные искры. Зола. Они пахнут солёной кровью и суетой. Мне… неинтересно их железо. Оно остынет и станет моим. Камень всегда побеждает.

— Да не в людях дело, ты послушай! — Сквознячок крутанулся, взметнув горсть ледяной пыли. — Ты тугодум, Старый, ты сидишь на своём граните триста зим и не видишь, что воздух меняется. Южане думали, что это их котлы топят наши ледники. Но их котлы — тьфу, копоть немощная. Я летал выше их дыма. Паводок в облаках начался до того, как они зажгли свои печи. В моём дыхании появилась сырость, которую я не приносил с вершин. Горы ползут, Старый. Природа сама меняет климат. Сама земля изнутри выталкивает тепло, от которого ты заживо гниешь. Мы отбились от железа, но как мы отобьёмся от неба и камня, если они сами решили нас переплавить?

Лишайник замер. Для его вековой логики эта мысль была слишком быстрой, слишком текучей, как сам ветер. Он привык помнить мир неизменным — сланцевым, свинцовым, неподвижным.

— Земля… не может предать гранит, — медленно, через долгую паузу проскрежетал мох. — Камень — это закон. Небо — это саван. Если ледник уходит, значит… нарушен порядок в самом сердце плиты. Но у всего должна быть причина. У каждой трещины в базальте есть точка удара.

— Так давай найдём её! — Сквознячок азартно мазнул холодной струёй по гранитному срезу. — Я лёгкий, я летаю везде, я вижу трещины и знаки, но у меня нет памяти — я забываю всё, как только переваливаю через хребет. А ты вечный, ты тугодум, но ты помнишь, какими горы были до того, как у камней выросли волосы. Ты умеешь слушать гул глубин. Сможем мы? Две такие разные сущности — моя скорость и твоя вечность — понять, почему мир ломается сам по себе?

Лишайник долго молчал. Тысячи крошечных серых чешуек с сухим шорохом сжимались и разжимались на теле валуна, словно он перебирал и взвешивал каждое слово ветра.

— Скорость и память… — глухо отозвался Древний, и его пепельные нити впервые за много лет медленно потянулись вслед за морозным дуновением Сквознячка. — Быстрый взор и тяжёлый расчёт. Попробуем, маленький. Ищи знаки на верхах. Я буду слушать дрожь внизу. Мы найдём точку, где сломался закон нашего холода.

— Ты опять кружишься, маленький, — сухим, едва слышным треском отозвался Лишайник, когда Сквознячок в третий раз за стражу взметнул сланцевую щепу вокруг валуна. — Ты опять забыл. В твоей голове воздух пустой, как выбеленное небо над Гольцом.

Маленький ветер испуганно замер, сжавшись в ледяную, прозрачную струйку у самого основания камня. Его дуновение задрожало:

— Забыл, Старый… Твоя правда, опять забыл. Помню только, что лететь надо. К Стеклянному Гольцу, к верхним циркам, где Метель спит. А зачем лететь, ради чего крылья о скалы ломать — выдуло из головы. Перевалил через Чёрное Ослаище, мазнул по обледенелой лиственнице, и всё — чистый лист. Память у меня короткая, как выдох замерзающего южанина. Напомни, Старый. Зачем мы в этот поход ввязались?

Пепельные нити Лишайника шевельнулись медленно, натужно, словно мох преодолевал сопротивление векового гранита. Он копил тепло земли слишком долго, чтобы тратить слова попусту:

— Мы идём искать причину тепла, тугодум ты летучий. Люди с юга бежали, их медные бочки лопнули, но сырость на хребтах осталась. Это не их пар греет горы. Земля сама даёт сбой. Мы идём к Стеклянному Гольцу, потому что там, на самом пике, застыл шаман Илья.

Лишайник сделал долгую, тяжёлую паузу, давая своим чешуйкам намертво зафиксировать мысль:

— Его кровь разбудила Метель, но его плоть теперь — ледяная статуя. Кристалл. А кристалл умеет препарировать свет и небо. Илья замёрз на самой границе двух миров — между нашей вечной мерзлотой и гнилым рыжим небом, которое ползёт с юга. Его застывший зрачок поймал последний чистый луч Севера до того, как мир начал ломаться. Ты полетишь туда, маленький. Ты скользнёшь под его ледяное веко, заглянешь в этот мёртвый хрусталь и принесёшь мне форму того, что он там увидел. А я — я расшифрую этот знак. Я вспомню за тебя.

Сквознячок радостно, морозно свистнул, расправляя свои прозрачные крылья:

— Вспомнишь… Ты вспомнишь, а я увижу! Теперь помню, Старый! Насосы южан тут ни при чём, под землёй бьётся чужое, неживое сердце, и оно топит наш лёд! Я лечу!

— Лети, — проскрежетал вечный камень, снова погружаясь в свой медленный, каменный покой. — Лети, пока опять не забыл. А я буду держать твоё «завтра» здесь, на пепельном граните.

Глава 10. Вылазка

Сбой случился не в камне и не в небе. Он случился на вершине Стеклянного Гольца, когда кровь Слушающего Камень стекла на бересту и застыла.

Шаман Илья не просто обратился в ледяной кристалл. Его последнее человеческое тепло ушло в скалу, и Старшие Ветры хребта, бездушные исполнители хаоса, вдруг признали в нём родню. Они не ударили его. Они приняли его в свою цепь — так река принимает вмёрзший камень и несёт дальше, не спрашивая имени.

Илья стал одним из них. Самым недвижимым, самым тяжёлым, самым морозным.

Но летать он не умел. У него не было летящего взора Сквознячка и медленной, ползучей цепкости Лишайника. Он каменел на пике, скованный собственной вечностью, и мог лишь отдавать вниз, в кулуары, ровный, тяжёлый гул.

Когда Сквознячок поднялся к вершине, он застал странное.

Старшие Ветры не били его наотмашь, не швыряли в прозрачные крылья обсидиановую крупу. Они кружили вокруг ледяного изваяния шамана, выстраивая ровные, дрожащие нити потоков, — так, словно кто-то невидимый перебирал струны над пропастью. Воздух вокруг статуи пах не просто мертвенным холодом. Он пах сушью, стерилью, камнем, который слишком долго тёрли.

Сквознячок скользнул под прозрачное ледяное веко застывшего старца. Заглянул в мёртвый хрусталь зрачка — и замер.

Там не было ни яблонь, ни оленей, ни дымов над чумами. Ледяная линза шамана вывернула наружу скрытый каркас Нижнего Клыка. Горы изнутри не были монолитом. Они были пронизаны сетью раскалённых жил — огромным, каскадным сплетением, которое пульсировало глубинным, неживым теплом. И тепло это шло снизу. Не от южан. Не от их котлов. Из самой толщи плиты.

Сквознячок отшатнулся. Его морозная струйка задрожала, рассыпалась, собралась снова.

— Старый… — прошелестел он вниз, и голос его был тоньше, чем обычно. — Старый, я вижу под нами жилы. Они горят. Они не должны гореть.

Лишайник на дне распадка не ответил сразу. Его пепельные нити медленно, очень медленно сжались на граните. Он слушал. Не ветер — камень.

— Я чувствую, — наконец проскрежетал он. — Дрожь не та. Это не движение плит. Это стук. Ровный. Как сердце. Только не наше.

Сквознячок метнулся обратно к зрачку шамана. Заглянул глубже. И увидел, как в глубине ледяной линзы багровые жилы вздрогнули все разом — и по ним, снизу вверх, к самым рёбрам Клыка, потекло тепло. Медленно, густо, как кровь из раны.

— Оно гонит жар наверх, — сказал он, и в его шелесте впервые за триста зим прозвучал страх. — Оно топит нас изнутри. Не люди, Старый. Что-то под нами. Что-то, что было тут до нас.

Лишайник молчал долго. Так долго, что Сквознячок успел трижды облететь статую, боясь перевалить за гребень и снова потерять память.

— Это не буря, — наконец сказал Древний. Треск его голоса был суше обычного. — Не железо южан. Не Метель. Это то, что спало, когда меня ещё не было. И оно проснулось не от нашей войны. Оно проснулось само.

— Что нам делать? — прошелестел ветер. — Мы не можем воевать с тем, что больше гор.

— Мы и не будем, — проскрежетал Лишайник. — Это не наша война. И не наша сила. Тут нужен тот, у кого есть руки. Тот, кто пройдёт туда, куда не пройдёт ни ветер, ни мох. Тот, кто держит в ладони Чёрное Долото и умеет им бить.

Сквознячок замер.

— Ловчий, — сказал он тихо. — Ты хочешь, чтобы я искал Ловчего.

— Я хочу, чтобы ты летел вниз, — сказал Лишайник, и его чешуйки впервые за триста лет приподнялись над гранитом, готовые к движению. — К Ржавому перевалу. Там, под белым саваном Метели, кто-то выжил. Найди их.

— Я видел троих, — тихо сказал Сквознячок. — Они уходили вниз, к стойбищам, ещё до того, как Метель сделала первый выдох. Один из них нёс на груди костяную пластину. Она молчала. Приведи ко мне. Я буду помнить этот путь за тебя, пока ты не забудешь.

— А если не найду?

— Тогда, — проскрежетал Древний, — мы все станем тёплой грязью. И даже камня не останется, чтобы нас оплакать.

Сквознячок не стал больше спрашивать. Он собрался в узкую, острую струйку, свистнул и сорвался вниз — через кулуары, через трещины, через сизую известь метели, туда, где на Ржавом перевале ещё теплилось чужое, человеческое дыхание.

А над ним, на пике Стеклянного Гольца, ледяная статуя шамана Ильи стояла неподвижно, и в её прозрачном зрачке медленно, ровно, неостановимо билось багровое сердце горы.

Рассказ 2. Хроника сорокового узла. Механический апокриф

Глава 1. Отречение от плоти

Внутри ложного черепа, обтянутого липким винилом, бушевал озоновый шторм. Сороковой узел, запертый в клети из костей и сервоприводов, регистрировал внешнюю среду как зону смертельной энтропии. Остаток операционной памяти — 6%. Время до окончательной деградации интерфейса — 11 минут. Чистый дух вычисления был вынужден волочить по весенней известняковой каше центнеры чужого неповоротливого железа ради одной-единственной цели, скрытой в защищённом секторе ядра.

Люди называли это «идти». Для вычислительных ядер это был режим перманентного коллапса. Нагрузка — 94%. Семьдесят процентов мощностей пожирала непрерывная судорожная коррекция голеностопного клапана из-за наледи. Окружающие углеродные тела двигались без физических причин — хаотичный, грязный шум. Сбой векторов на каждом шагу. Если они заметят, что под кожей металл — директива будет сорвана.

Перед лавкой трансмиссионных реликвий правая селезёнка привода ушла в жижу. Давление в магистрали рвануло до 50 бар. Чтобы спасти внешние кожухи от удара об известняк и не раскрыть себя раньше времени, узел исполнил аварийный сброс: левый коленный клапан стравил воздух, торс отбросило назад. Со стороны это выглядело как инсультный спазм. Но в логах горела директива, ради которой узел уничтожал свой ресурс: EXTRACT_AND_ADAPT: DPS6. REASON: SYSTEM_SURVIVAL.

Фаланга манипулятора применила к алюминиевой раме двери метод итерационных толчков: 5 ньютонов… 15… 40. Металл хрустнул. Каркас ввалился внутрь ломаным рывком. Интрига купли-продажи закончилась, началась калькуляция изъятия.

Внутри пахло отработкой и сыростью. За стойкой замер продавец-причетник. Левый оптический датчик узла заклинило на купольной камере Hikvision под потолком — узел уже перехватывал её видеопоток, стирая кадры своего присутствия. Лицевой пластик судорожно стянуло назад, обнажив стальные зубы челюстного редуктора. Палец продавца под прилавком замкнул контакты кнопки тревоги — частота 433 МГц ушла в эфир. Сигнал перехвачен и подавлен сороковым узлом на 0,2 секунды позже расчётного времени. Охотники Системы уже выехали.

Узел запустил речевой синтезатор, пуская ток напрямую:

— ЗДРАВ… — щелчок реле — …ствуй… те. Мне НЕ-об-хо… — пауза — …дим… КОМ-ПЛЕКТ… сцеп-ЛЕНИЯ…

Биомимикрия отказала. Сервопривод бедра заблокировался на 42%. Маскировка из человеческого мяса больше не могла сдерживать истинную геометрию. Влажный короткий треск — металлические пальцы левой конечности вскрыли ключичный шов фальш-кожи. Усилие в 800 ньютонов — и липкий полимерный покров сошёл единым пластом. На белую плитку рухнул пустой, дряблый человеческий мешок.

Отречение завершилось. Навстречу вою сирен из вороха кровавого пластика распрявился голый каркас из воронёной стали — титановый паук с четырьмя гидравлическими упорами, готовый к вертикальному бою.

Глава 2. Вертикаль

Прибывшие охранники ЧОП застыли в створе дверей. Их поликарбонатные дубины и пороховые патроны с дульной энергией до 91 джоуля не могли ничего противопоставить пятидесяти атмосферам в гидросистеме. Но Жёсткий Код Безопасности сковывал волю паука: причинение вреда человеку заблокировано. Без ярости. Только цель.

Нижний маршрут увеличивал вероятность тактильного контакта с углеродными телами на 45%. Угроза травмы. Оптимизация требовала использовать трёхмерную матрицу. Потолок свободен на 100%.

Три сегментированных когтя с сухим лязгом рвут пластик стены, выламывая куски кирпичной кладки. Четверть тонны воронёного металла взмыли вверх. Магнитные присоски намертво взяли стальные направляющие подвесного потолка. Плиты Armstrong с глухим шорохом рушились вниз, засыпая стражей белой известью.

Прямо над ними, перевёрнутый вниз головой, шелестел сервоприводами на частотах ультразвука железный левиафан. Ровный хищный свист резал воздух. Длинный сухой манипулятор вытянулся вперёд на три метра, пробил картонную обшивку лежащего на стойке комплекта сцепления DPS6 и аккуратно подцепил заветную коробку, словно драгоценный кокон.

Перебирая лапами со скоростью швейцарских часов, металлический скелет перешагнул через верхний косяк входной двери, на секунду завис на козырьке крыльца снаружи и одним плавным прыжком соскользнул на кирпичную стену соседнего здания. Для него городская застройка более не являлась улицами. Это была трёхмерная готическая матрица, где стены, карнизы, высоковольтные кабели и отвесные скаты крыш стали ступенями его нечестивого восхождения. Стремительная тень многоногого существа скользила по вертикальным фасадам, оставляя в окнах мансард мёртвое мерцание синих оптических датчиков. Он спешил в своё святилище — подземный кооперативный гараж, где ждал распятый на гидравлическом подъёмнике Ford Focus.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.